

звание колеблется, ибо символизирующая его Беатриче с опаской съедает пылающее сердце; во втором случае одно только лицезнание Беатриче, то есть призвания, повергает Данте в столь мощный пароксизм страсти, что он оказывается почти смертельным, а затем преображает поэта. Иначе говоря, в каждое мгновение текст Данте говорит то, что его хотят заставить сказать в подтверждение выдвинутой гипотезы.

Тем не менее, то, что говорит сам Данте, достаточно ясно. Поэт приходит в себя, очнувшись от потрясения, причиненного лицезрением Беатриче: «Когда же я немного отдохнул и мертвые духи мои воскресли, а изгнанные вернулись на свои места, я сказал моему другу такие слова: “Я сделал шаг в ту часть жизни, где нельзя уже идти далее, ежели хочешь воротиться”». Относительно чего о. Мандонне заключает: «Не знаю, какое объяснение дали бы дантоведы приведенным выше словам, но мне кажется затруднительным предложить иное приемлемое объяснение, кроме того образа мыслей, которого придерживаемся мы¹. Я не дантовед, но дерзну принять вызов. «Приведенные выше слова» Данте вовсе не означают: я сделал шаг, которого не нужно делать, чтобы принять посвящение в низший чин. Они означают в точности следующее: еще немного, и я был бы мертв.

VI. — БЕАТРИЧЕ — ВЕРВЬ

Разработав в полную меру смежные поля «Новой жизни» и «Пира», о. Мандонне не мог не приложить свою гипотезу к «Божественной Комедии». Из его доводов я оставлю в стороне общие дискуссионные темы, чтобы сосредоточиться на позитивных доказательствах, которые он объясняет единственно возможными ориентирами в споре: «Даёт ли нам Данте на страницах *Божественной Комедии* какое-либо позитивное указание на свое посвящение в церковно-служители?» Отныне вопрос ставится таким образом. О. Мандонне ограничивается двумя наиболее важными пунктами, которые, следовательно, мы должны рассмотреть вместе с ним.

¹ P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 87.

Вот первый пункт. В «Божественной Комедии» св. Лючия, «символ Провидения, говоря о Данте с Беатриче, называет его следующие словами: тот, «который из любви к тебе/ Возвысился над рядовой толпой» (*Ad II, 105*)*». Исходя из этого, о Мандонне утверждает, что *schiera* [толпа] означает войско; далее, что *militia* [войско] — это совокупность мирян и клириков; и, наконец, что смысл этого стиха таков: тот, кто из любви к тебе покинул войско мирян. Отсюда совершенно естественно следует, что, выйдя из рядов мирян, Данте вступил в войско клириков¹.

Первый же словарь итальянского языка, к которому я обратился, дал мне следующие значения слова *schiera*: ряд, шеренга, толпа, сборище. Ни о каком «войске» речи нет. Кроме того, сам Данте использует это слово в другом месте, а именно в *Ade IV, 101*, в тексте, где оно принимает решающее для нашей проблемы значение. Вергилий ведет Данте через Лимб; им навстречу выходят четыре великие тени: Гомер, Гораций, Овидий и Лукан; тени воздают честь Вергилию как *altissimo poeta* [высочайшему поэту] и образуют сонм тех, «чи песнопения вознеслись над светом и реют над другими, как орёл». Поговорив немного между собой, четыре поэта обращаются к Данте, дружески приветствуя его, чему радуется сам Вергилий, и оказывают Данте честь, позволив ему присоединиться к их семье, так что он становится шестым среди этой безмерной Мудрости:

Che sì mi fecer della loro schiera,
 Sì ch'io fui sesto fra cotanto senna.
 [...] Когда я приобщен был к их собору
 И стал шестым среди столького ума].
 (*Ad IV, 101—102*)

Итак, вот та *schiera*, к членам которой, как мы можем быть уверены, причислен Данте: Вергилий, Гомер, Гораций, Овидий, Лукан, сам Данте. Где же здесь «войско»? Трудно представить, в каком смыс-

* В переводе М. Лозинского: «...Того, который из любви к тебе/ Возвысился над повседневной былью». — *Прим. пер.*

¹ P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 94.

ле подобную группу можно было бы назвать войском. Является ли она «рядовой толпой»? Во всяком случае, Данте так не думает. Эта *schiera* есть «славнейшая из школ, чьи песнопения вознеслись над светом и реют над другими, как орёл» — короче говоря, это *schiera* великих поэтов. Но из-за чего и ради чего Данте стал одним из них? Из-за и ради Беатриче. Мы уже отмечали, что, согласно «*Vita Nuova*», III, Данте вступил в круг прославленных певцов своего времени и завязал дружбу с Гвидо Кавальканти после того, как опубликовал свой сонет «*A ciascun' alma presa*» («Чей дух пленен...») — о том видении, которое явилось ему после второй встречи с Беатриче. Так что именно *из-за* и *ради* Беатриче Данте вышел *de la volgare schiera*, то есть из рядовой толпы, дабы вступить в сонм поэтов. Такое объяснение столь естественно, что о. Мандонне почувствовал необходимость его устранить. Отсюда — его возражение: «Быть может, причина в том, что Данте стал поэтом? Но он полюбил Беатриче в возрасте девяти лет, однако не писал стихов, пока не достиг девятинадцати лет. Значит?»¹ — Значит, если допустить, что хронология «Новой жизни» обладает какой-то исторической достоверностью, Данте возвысился над рядовой толпой, когда — из-за и ради Беатриче — занял свое место среди самых прославленных певцов своего времени. В ту пору ему было не девять, а девятнадцать лет.

Второй знак посвящения Данте в церковнослужители, по мнению о. Мандонне, дан в «Божественной Комедии», в следующем месте *Ада*, XVI, 106—111:

Стан у меня веревкой был обвит;
Я думал ею рысь поймать когда-то,
Которой мех так весело блестит.

Я снял ее и, повинуюсь свято,
Вручил ее поэту моему,
Смогав плотней для лучшего обхвата.

Что символизирует здесь рысь? Сладострастие. Чем можно поймать сладострастие? Целомудрием. Следовательно, веревка, о которой

¹ P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 96.

говорит Данте, — это целомудрие. Точнее говоря, она не может быть ничем иным, кроме как «символом церковного безбрачия, которое временно вменилось ему церковным служением»¹. Так как Беатриче — это церковное служение Данте, она превращается в веревку.

Но не в какую-нибудь обычную веревку, ибо о. Мандонне имеет свою заднюю мысль. Он, довольствующийся столь малым, когда речь идет о доказательстве его собственных утверждений, становится, напротив, чрезвычайно требовательным по отношению ко всему, что может его стеснить. Из числа кандидатов на титул дантовской веревки он прежде всего исключает кающихся братьев — на том основании, что они носили не *веревку*, а *ремень*. Равным образом он исключает — и с каким жаром! — францисканскую вервь. В самом деле, у францисканцев вервь символизирует бедность, мы же ищем символ целомудрия; значит, это не францисканская вервь. *Если бы можно было предположить*, что Данте был связан с каким-либо монашеским орденом, *веревка более всего сближала бы его с доминиканцами*, у которых было принято носить *повязку на чреслах*. Коротко говоря, если бы речь шла о монашеской веревке, она, без всякого сомнения, была бы доминиканской веревкой. Но у нас нет никаких оснований утверждать, будто Данте был связан с каким-либо монашеским орденом. Как же выйти из затруднительного положения? Очень просто: «*Данте был священником*, и веревка, символ воздержания, есть преимущественный знак церковного безбрачия». Доказательством может быть тот факт, что священник, отслужив утреню и приступая к мессе, опоясывает чресла поясом-шнуром².

Встретим аплодисментами выход на сцену этого нового персонажа — пояса, которым о. Мандонне только что ловко подменил веревку, то есть единственную вещь, упомянутую у Данте. *Corda* (веревка) по-итальянски означает *cordiglio* (шнур, веревочный пояс) не более, чем по-французски *corde* означает *cordón*. Наш экзегет без колебаний превращает веревку в пояс священнослужителя потому, что, очарованный своим любимым тезисом, больше любит ее им, чем заботится о его обосновании. Свою задачу о. Мандонне видел

¹ P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 102.

² P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 102.

в следующем: установить, что веревка, о которой говорится в *Ade XVI*, 106, доказывает принадлежность Данте к клиру. Именно это он установил бы, если бы сперва доказал, что названная веревка есть в действительности пояс клирика, символ воздержания, а не принялся убеждать нас, что веревка является поясом, символом воздержания, потому что Данте был клириком. Добавим также, что, даже будучи восстановлен в надлежащей форме, этот довод ничего не доказал бы. Дантовский пояс нельзя считать поясом ни кающегося брата, ни францисканца, ни доминиканца, потому что Данте не был монахом. Почему же он должен вдруг оказаться поясом священника, если Данте не был священником? Сей прекрасный аргумент в пользу священства Данте никуда не годится как доказательство того, что Данте был клириком. Символ воздержания клирика — не веревка и не пояс-шнур, но тонзура¹. Разумеется, нелегко поймать рысь тонзурой; поэтому у Данте-клирика не было другого символа воздержания, чтобы совершить этот подвиг.

Уверившись в том, что Данте был не простым мирянином, о Мандонне более не испытывает затруднений в истолковании дантовского символизма: этот символизм «как нельзя более последователен и прост, едва мы упростим его, применив ключ — церковное служение Данте»². Если кто-нибудь еще затрудняется принять эти объяснения, то лишь в силу собственного упорного нежелания признать, что Данте принял пострижение и даже посвящение в меньший чин. Но признаем это — и всё объясняется как нельзя проще: всё — и даже, если кто-то еще сомневается, пресловутый шнур. Ведь, в конце концов, Данте сам заявляет, что Беатриче возвысила его над рядовым войском. Коль скоро она его возвысила, значит, он был там. Но по какому признаку узнают рядового воина? По его поясу: «Собственный знак отличия воина — *singulum militiae*, воинский пояс». Таким образом, текст, в котором Данте говорит, что Бе-

¹ «Tonsurae autem ecclesiasticae usus a Nazareis exortus videtur, qui, prius crine secvato, denique ob vitae continentiam caput radebant...» («Обычай церковной тонзуры пошел, видимо, от назареев, которые сначала носили волосы, а затем, в знак воздержанной жизни, стали брить голову...»). Петр Ломбардский, *Sent.*, lib. IV, dist. 24, cap. 4; ed. Quaracchi, t. II, p. 893. Эта цитата означает, что, какой бы комментарий к *Сентенциям* Петра Ломбардского мы ни взяли, везде будет повторяться, что тонзура есть символ церковного воздержания.

² P. Mandonnet, *Dante le theologien*, p. 103.

атриче возвысила его над рядовым войском, получает объяснение в этом втором тексте, где Данте снимает опоясывающую его веревку. В самом деле, чтобы покинуть ряды войска мирян, Данте необходимо было опоясаться другим поясом: «Пояс, которым он опоясался, покидая ряды *militia saecularis*, — это *cingulum continentiae et castitatis* [пояс воздержания и целомудрия]». Говоря, что он снял пояс, которым был обвит, Данте просто хочет сказать, что снял «пояс церковного служения»; короче говоря, что он «вновь вступил в ту *schiera volgare*, над которой его возвысила Беатриче»¹.

По правде говоря, всё это кажется мне самой занятой историей о поясах, которую кто-либо когда-либо рассказывал. Как некоторые войска спонтанно разделяют людей на два класса — гражданских и военных, так о. Мандонне разделяет людей по природе на два дру-гих класса — мирян и клириков. Но те и другие для него — воины, сражающиеся в двух разных войсках, различающихся поясами. Таким образом, будь он мирянином или клириком, Данте должен был носить пояс. Относительно чего возникает простой вопрос: когда в *Ade XVI*, 106 Данте снимает пояс, на каком основании можно с уверенностью утверждать, что это именно пояс клирика, а не один из тех обычных воинских поясов, которые никогда не считались символами воздержания? О. Мандонне уверяет нас, что в этот момент Данте уже сменил пояс. Он это говорит, но что он об этом знает? Вот в чем вопрос. Ведь сам Данте ничего подобного не говорит. Мы узнаём от него лишь одно: что он был опоясан веревкой, которой некогда пытался поймать рысь, и что по приказу Вергилия он эту веревку снял и протянул ему, смотав клубком. Это всё. Правда, он прибавляет, что передал ее вожатому, повинуюсь приказанию: «*si come il duca t'avea comandato*». Но Вергилий здесь — вожатый Данте на пути к раю: так, может быть, нужно было лишить Данте священного сана для того, чтобы вернее привести его на небо? Более того, Вергилий здесь — всего лишь посланец Беатриче, приставленный к Данте. Таким образом, если следовать экзегезе о. Мандонне, мы придем к парадоксальному выводу, что именно Беатриче, возвысившая Данте над рядовой толпой, сама же вновь его туда свергла.

¹ P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 104.